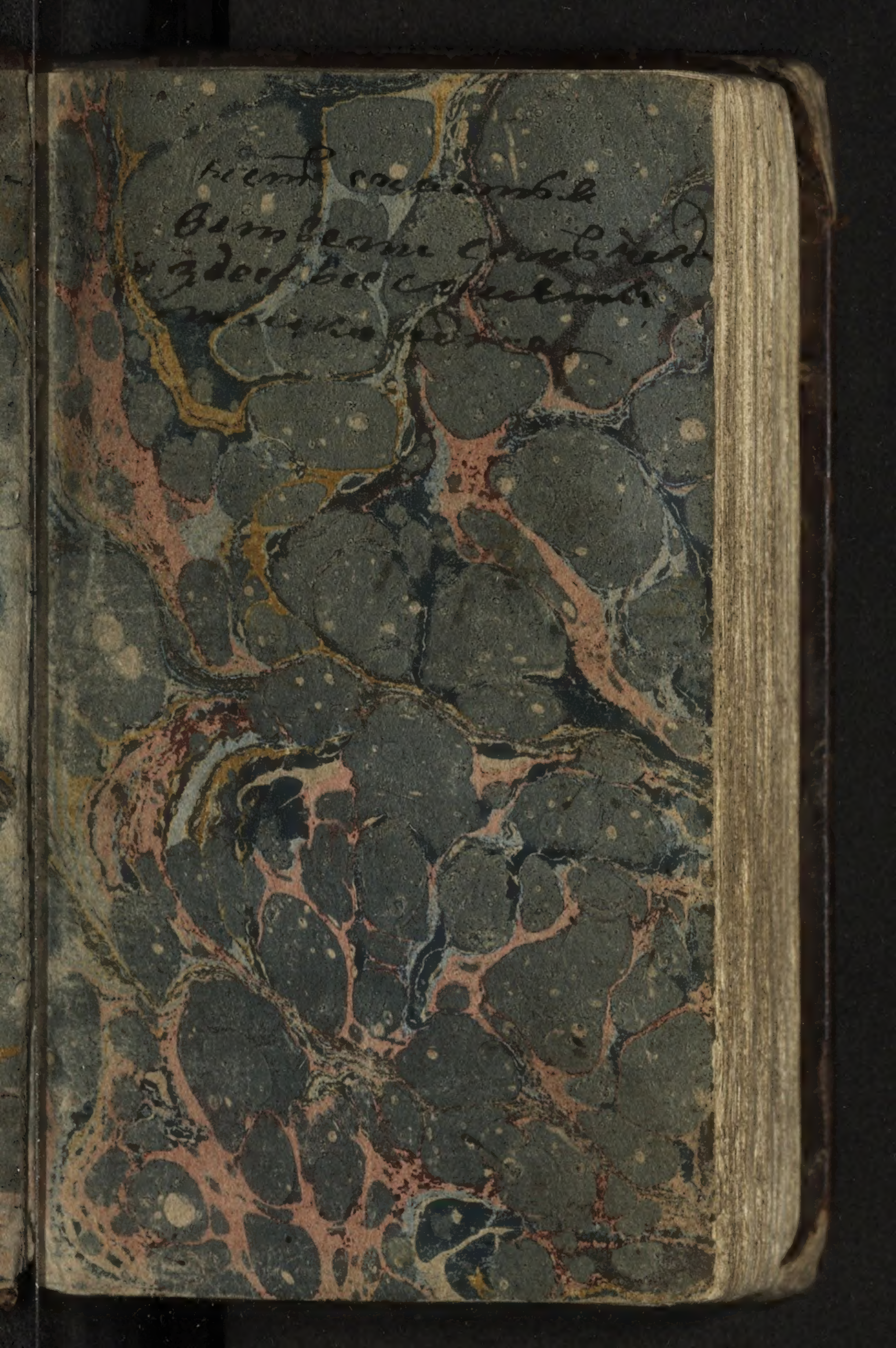
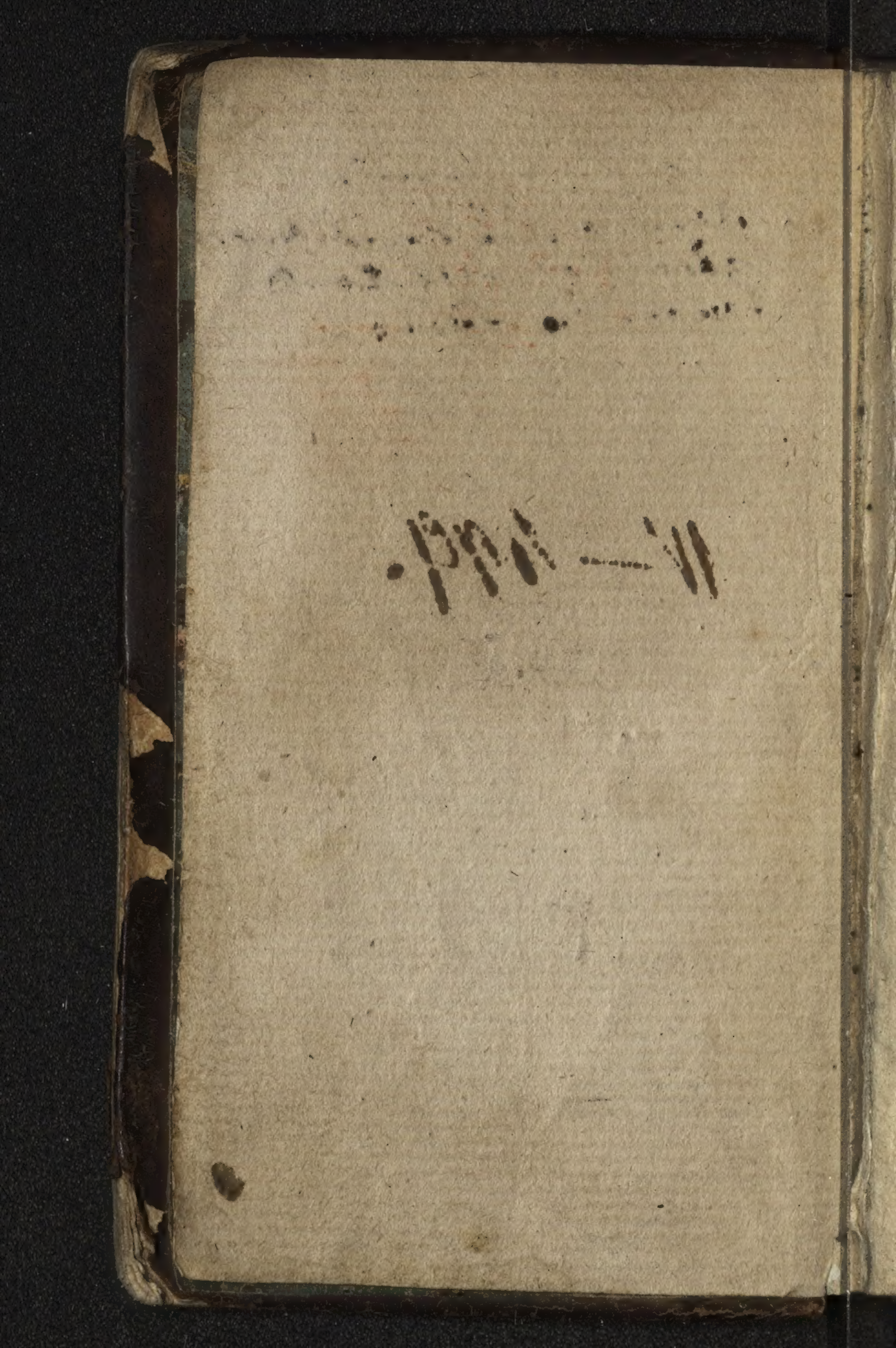

10623

Храмъ щастливой дружбы.
Не долго щастье обитало,
Ужъ время горестю настало.

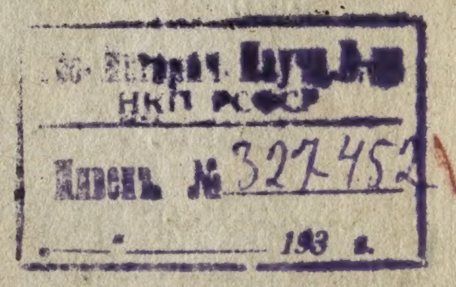
ЛЮБИМЪ и ЛИЗА

или

Жизнь добродѣтельныхъ супруговъ.

Россїйское Сочиненїе.

Съ дозволенія Московскаго Гражданскаго Губернатора.

Къ милымъ моимъ.

Требованіе Ваше исполнено — вотъ Исторія Любима и Лизы; я не прибавилъ и не утаилъ здѣсь ни слова; одно только имя моего друга долженъ былъ скрыть отъ свѣта: это не моя, а его тайна, и я не могу ее нарушить. Не смѣю надѣяться, чтобъ слабость пера моего могла доставить удовольствіе Читателямъ; но утѣшаюсь исполненіемъ желанія милыхъ сердцу.

А. М. О.

ЛЮБИМЪ и ЛИЗА,

или

Жизнь добродѣтельныхъ супруговъ.

Чувствительныя сердца! вы знаете цѣну дружбѣ, знаете тягость одиночества. — Я вамъ посвящаю исторію моего Любима; — надѣюсь, вы будете снисходительны, простите слабости пера моего, недостаткамъ въ выраженіяхъ и, можетъ быть, худымъ оборотамъ; ваша чувствительность найдетъ и въ худомъ

слогѣ сердце моего друга, узнаешѣ его — узнаетѣ мое намѣреніе, и проститѣ ошибкамѣ.

Мнѣ было осмнадцать лѣтѣ, когда я встрѣтился съ Любимомѣ; при первомѣ взглядѣ, я полюбилѣ этого человѣка: лице его обнаруживало доброту души, и всегдашняя задумчивость показывала, что онѣ страдаетѣ. — Судьба опредѣлила и мнѣ страдать также: отдаленность отѣ милыхѣ сердцу и одиночество тяготило меня; сердце хотѣло взаимной искренно-

сти, но ни въ комъ не могло найти ее. — Увидя Любима, я почувствовалъ какое-то удовольствіе; каждое слово насъ болѣе сближало, и открывало, что мы одного ищемъ и однимъ страдаемъ.

Наконецъ мы узнали другъ друга — узнали, что чувства наши были одинаковы, съ тою разницею, что Любимъ былъ опытенъ, зналъ уже свѣтъ, зналъ человѣка, а я начиналъ только имѣть первыя понятія; что безпокоило его не много, то свергало меня

въ отчаяніе. Я стремился къ славѣ, и искра начинала во мнѣ только разгораться, а въ немъ уже потухла; мысли бросались отъ одного предмета къ другому, ни гдѣ не полагали себѣ цѣли, и разтравляли горесть. — Мнѣ былъ надобенъ наставникъ, которому бы могъ обнаружить мою душу — я нашелъ его въ Любимѣ — нашелъ въ немъ и цѣлебный бальзамъ для моего сердца.

Мы жили другъ отъ друга верстахъ въ трехъ;

частыя свиданія не удовлетворяли нашего желанія; намъ хотѣлось всегда быть вмѣстѣ; — минутныя препятствія, сообщить мысли Любиму, были для меня въ тягость; я чѣмъ короче узнавалъ его, тѣмъ любилъ болѣе; — наконецъ онъ предложилъ мнѣ переѣхать жить къ нему. — Я охотно согласился; нашелъ у него почтенную К... которая его любила, какъ сына, и шестилѣтнюю Софью, утѣху обоихъ. Дружба соединяла крѣпчайшими узами сіе маленькое семейство, и родила въ каж-

домъ къ себѣ почтеніе. — Я еще не зналъ, кого вижу въ К... и Софьѣ. Любимъ, примѣтя мое любопытство, спросилъ: — хочешь ли узнать исторію моей жизни? — Я благодарилъ его за искренность, и просилъ, не отлагая времени, исполнить сіе намѣреніе.

Я не буду тебѣ говорить о первыхъ лѣтахъ моей молодости, такъ началъ разсказывать другъ мой, онѣ протекли въ пріятномъ спокойствіи, въ объятіяхъ нѣжныхъ родителей, пекущихся о образованіи моего ума и сердца. Такъ мнѣ

минуло 17 лѣтъ; склонности начали уже развиваться; слава побуждала меня, искать лавровъ на полѣ сраженія. Я неотступно просился ѣхать въ армію волонтеромъ. — Дѣла Сципіоновъ, Аннибаловъ разгорячали воображеніе, и занимали всѣ мои мысли: сидя въ комнатѣ, я выигрывалъ баталіи, бралъ города, заключалъ миръ и проч. — Родители долго противились моему стремленію, представляли препятствія; но неотступныя прозьбы склонили ихъ, исполнить мое желаніе. Мнѣ очень жаль

было, разстаться съ ними.— Они обо мнѣ плакали, а я хотя и старался утѣшать ихъ щастливымъ возвращеніемъ; но слезы не повиновались геройству и капали изъ глазъ. Наконецъ наступилъ день отъѣзда моего: нѣжность родительская дала мнѣ наставленіе, снабдила многими письмами, наградила благословеніемъ, и я отправился въ путь.

Думая безпрестанно о будущемъ щастіи, я старался позабыть горесть разлуки; но сердце не повиновалось мыслямъ; — оно

мнѣ напоминало прошедшее благополучіе, любовь родителей, слезы милой Раисы *, и уничтожало храбрость. Взглянувъ въ последній разъ на родину, я тяжело вздохнулъ, и предался размышленію. — Воздушные замки разсѣялись, и показали мнѣ легковѣрность молодости. Въ такой задумчивости, пролетѣвъ болѣе полутораста верстъ, я велѣлъ остановиться въ маленькомъ городкѣ у трактира, и требовалъ ужинать, — сѣлъ

* *Сестра Любимова.*

подъ окошко, далъ вольное теченіе мыслямъ; онѣ перенесли меня къ милымъ сердцу. — Въ этотъ часъ и они ужинаютъ, думалъ я: можетъ быть, разговариваютъ обо мнѣ, — Раиса груститъ . . . и, можетъ быть, думаетъ, что я позабылъ ее. — О дружба! ты одна составляешь благополучіе человѣка, — я не зналъ цѣны тебѣ. Тутъ трактирщикъ перервалъ ужиномъ мои размышленія и надоѣлъ своими разсказами. — Я, какъ можно, торопился отъ него отдѣлаться: попросилъ чернильни-

цу и сѣлъ, писать письма... Не геройство изображали мои мысли, которымъ за нѣсколько часовъ я такъ возхищался... Нѣтъ! одна чувствительность водила перомъ моимъ. Запечатавъ ихъ, отнесъ самъ на почту, и пустился далѣе.

Пріѣхавши въ армію, я искалъ случаевъ, отличиться: бросался вездѣ, пренебрегалъ опасностями, былъ довольно щастливъ, и получилъ награжденія. — Наконецъ мнѣ уже хотѣлось показать знаки заслугъ моимъ родителямъ и Раисѣ. Война

щастливо для насъ оканчивалась, отпуски открылись, и я полетѣлъ въ объятія милыхъ сердцу. Самолюбіе увеличивало меня въ глазахъ моихъ; приготовляясь разсказывать свои дѣла, съ восхищеніемъ приближался къ цѣли.

Кто не позабудетъ въ кругу друзей прошедшія горести? — Я совсѣмъ не помнилъ ихъ, и наслаждался спокойно настоящимъ благополучіемъ. — Всѣ любопытствовали, распрашивали, хвалили меня; а я съ пламеннымъ удовольствi-

емъ разсказывалъ случившіяся произшествія, и радовался, что могъ умножить мое знакомство.

Раисѣ минуло безъ меня пятнадцать лѣтъ. — Она начала выѣзжать въ собранія, имѣла новыхъ пріятельницъ, и была болѣе всѣхъ привязана къ Лизѣ: безпрестанно говорила объ ней, хвалила ее достоинства, воспитаніе, склонность къ наукамъ, къ музыкѣ и проч. — Я не терпѣливо желалъ увидѣть Сильвію моей сестрицы, и узнать справедливость

словѣ ее. — Чрезъ нѣсколько дней мы съ нею съѣхались въ домѣ моей родственницы. Я долго съ большимъ вниманіемъ смотрѣлъ на черты лица ея, замѣчалъ слова, имѣлъ случай говорить съ нею; но ничего не находилъ того, что мнѣ сказывали, и удивлялся Раисину вкусу. Она увѣряла, что мнѣ надобно короче узнать Лизу, чтобъ судить объ ней; но я былъ твердъ въ моемъ мнѣніи, и не хотѣлъ заниматься ею. Не взирая на короткость всѣхъ моихъ родныхъ съ домомъ Лизы, я бывалъ у нихъ толь-

ко по необходимости, наблюдая права учтивства. — Такъ прошло болѣе четырехъ мѣсяцевъ; наконецъ сестра уѣхала въ деревню, и я совсѣмъ позабылъ о Лизѣ.

Ты уже знаешь молодость, другъ мой, знаешь какъ страсти начинаютъ владѣть нами, пороки заманиваютъ въ свои сѣти, прелести свѣта очаровываютъ юную неопытность и влекутъ въ бездну погибели. — Я былъ подверженъ симъ опасностямъ: кругъ молодыхъ, вѣтреныхъ лю-

дей составлялъ мое знакомство; мнѣ всѣ ласкали, и я предавался роскоши, не думая о будущихъ послѣдствіяхъ; наконецъ, утопая въ сихъ забавахъ, я получилъ извѣстіе отъ Раисы и прозьбу, чтобъ доставить письмо къ Лизѣ; мнѣ не пріятно было сіе препорученіе; я зналъ, что тамъ будутъ меня упрекать въ проступкахъ. — Пороки робѣютъ въ глазахъ добродѣтели... но любовь къ Раисѣ заставила меня исполнить ея желаніе. — Я, подъѣзжая къ дому, увидѣлъ Лизу, сидящую подъ окномъ:

нѣжность, скромность, красота, безъ примѣси искусства, блеснула въ глазахъ моихъ, и удовольствіе съ робостію разлилось по сердцу. — Съ удивленіемъ, и не вѣря самъ себѣ, я вошелъ въ комнату. Лиза одна приняла меня и сказавши, что маминька ее сей часъ выйдетъ, старалась занять разговорами. Стыдливость при каждомъ словѣ увеличивалась на лилейныхъ щечкахъ этой Граціи; — я подалъ ей сестрино письмо. — Она, поблагодаривъ меня съ пріятною ловкостію, съ скоростію разорвала печать и начала

читать. . . Ахъ! другъ мой, каждое движеніе раждало въ ней новыя прелести; я удивлялся перемѣнѣ чувствъ моихъ, и съ большимъ удовольствіемъ разсматривалъ ее. — Природа съ простою одеждою лучше украшала Лизу, нежели пышность всѣхъ богатыхъ уборовъ. Наконецъ возхищеніе мое было прервано входомъ Гжи. С. . . *. Она много говорила со мною, а я безпрестанно смотрѣлъ на Лизу; все, что казалось мнѣ прежде въ ней посредственнымъ, тутъ превосходило красоту. Я не

* *Имя Лизиной матери.*

вѣрилъ глазамъ; но чѣмъ болѣе глядѣлъ, тѣмъ болѣе находилъ прелестей.

Съ сей минуты, любезный другъ, всѣ мысли мои были заняты Лизою: я думалъ только о голубонебесныхъ взорахъ ея, прекрасномъ станѣ, ловкихъ движеніяхъ; словомъ, ее наружность меня возхищала. — Желая каждую минуту видѣть, говорить съ нею, я началъ чаще къ нимъ ѣздить, и искалъ, чѣмъ понравиться; но всѣ суетные блески свѣта, мною употребленные, были тщет-

ны; едва минуту она могла заниматься ими. Я огорчался, сѣтовалъ на свое состоянiе, которое мнѣ не позволяло все то дѣлать, чѣмъ, казалось, я могъ плѣнить ее; наконецъ отчаялся; — разсѣянiе, забавы, вѣтреное общество, вздорныя выдумки, до сихъ поръ кружившiя голову, мнѣ наскучили; я принялся за науки, пищу дѣйства моего. — Руссо былъ всегда мой любимой писатель; его Элоиза мнѣ нравилась уже давно; но я не читалъ ее никогда съ такими чувствами, съ такимъ жа-

ромЪ, какЪ теперь, — не плѣнялся никогда столько красотою сердца Юліи; мнѣ хотѣлось, чтобЪ Лиза имѣла характерЪ ея, котораго я нимало еще не зналЪ, — я его началЪ разсматривать. — АхЪ! что же нашелЪ? Нѣжность, чувствительность, добродѣтель Лизы; все, все превозходило Юлію!

Ей было четырнадцать лѣтЪ, какЪ я почувствовалЪ кЪ ней привязанность, и сЪ тѣхЪ порЪ до самой смерти, чѣмЪ болѣе узнавалЪ ее, тѣмЪ она ка-

залась милѣе; но никогда не любивши слѣпо моего друга, я замѣчалъ ее ошибки, неосторожности; видѣлъ, что она дѣлала ихъ отъ незнанія свѣта, отъ незрѣлости лѣтъ, а не отъ желанія нравиться, сроднаго кокеткамъ, — нѣтъ! она его не знала; одна юная природа съ своею невинностію, безъ примѣси искуства, блистала и зрѣлась въ ней. — Занимаясь безпрестанно науками, музыкою, она не по лѣтамъ успѣвала въ нихъ; но никогда не гордилась своими знаніями, а всегда скрывала

ихъ. Сколько труда мнѣ стоило, чтобъ услышать голосъ ея! Хотя и былъ знакомъ въ ихъ домѣ, болѣе полугода пользовался довѣренностію Гжи. С... часто шутилъ, смѣялся съ Лизою, но никогда не имѣлъ смѣлости просить ее, чтобъ она пропѣла. — Почтеніе, смѣшенное съ страхомъ, меня останавливало: естьли это ей не надобно, думалъ я — лучше не слыхать, нежели чтобъ милая взглянула съ неудовольствіемъ. Наконецъ я рѣшился открыть свое желаніе К... Лизу заставили; — она краснѣла,

бросалась къ К... на шею, скрывала лице, отговаривалась; но все это съ дѣтскою невинностію. — Ее принудили повиноваться . . . Ахъ! любезной другъ, въ какомъ восторгѣ тогда трепетало сердце мое! Глаза бѣжали за бѣлыми ручками, проворно бѣгающими по косточкамъ Клависина, слухъ упоевался пріятными тонами голоса; я хотѣлъ говорить, но слова перерывались, и приводили въ замѣшательство. Конецъ аріи былъ заключенъ общими похвалами, но Лиза не слыхала ихъ; стыдливость,

этого Ангела унесла отЪ насЪ на крыльяхЪ Зефира.

Слабость здоровья Гжи. С... лишала удовольствія, сходно сЪ ея намѣреніемЪ, заниматься воспитаніемЪ дочери. К... была другЪ ея, сЪ которымЪ она раздѣляла попеченіе о образованіи сердца юной Лизы; вЪ одинЪ день болѣзнь ея такЪ усилилась, что заставляла всѣхЪ отчаяваться вЪ жизни. Я увидѣлЪ вЪ первой разЪ Лизу расплаканную, сЪ ручьями слезЪ, сЪ тяжкимЪ отчаяніемЪ на лицѣ, меня встрѣтившую. — Го-

ресть столь сильно изображалась въ этой невинности, что самой жестокой варваръ тронулся бы; ни чьи слова, ни утѣшенія милой К... не могли ее успокоить; она силилась скрыть печаль, но еще болѣе ее обнаруживала; стѣсненные въ груди вздохи, съ громкимъ рыданіемъ, прерывали тихокаплющія слезы. — Становяся на колѣни съ воздвигнутыми взорами къ Небу, призывая Творца на помощь, она казалась Ангеломъ. — Творецъ услышалъ молитву ея; больная нѣсколько успокоилась и съ веселымъ ви-

домъ, взглянувши на нее, сказала: милая Лиза, перестань плакать, мнѣ легче. — Я уже давно не слыхала, какъ ты поешь. — Съ какою кротостію она спѣшила исполнить желаніе своей маминьки! дрожащими отъ слабости руками открыла Клависинъ, сѣла — отерла нѣсколько разъ слезы, но онѣ не переставали капать, и наконецъ запѣла. — Какое бы жестокое сердце не тронулось этою мелодіею? одинъ видъ ея приводилъ всѣхъ въ жалость: грудь багровѣла, голосъ прерывался отъ удер-

жанныхъ рыданій, слезы капали на бѣлыя ручки, и она силилась скрыть ихъ. Ахъ! другъ мой, чьихъ словъ достанетъ изобразить доброту сердца Лизы?

Я, возвращаясь домой, каждой разъ повторялъ всѣ слова ея, изображалъ въ умѣ взоры, улыбки; самыя малѣйшія мины оставались въ памяти. Пріятнѣйшею забавою для меня было, каждую почту описывать Раисѣ новыя прелести, которыя я находилъ въ Лизѣ; любилъ, когда ее хвалили, и сѣтовалъ, естьли нахо-

дили недостатки; словомъ, она одна занимала мою душу и сердце; — всѣ прочія упражненія, должности были для меня въ тягость; хотя служба довольно ласкала меня щастіемъ, но и та начинала мнѣ наскучивать; одна слава удерживала, ее оставить: я воображалъ, что чины, знаки отличія могутъ меня увеличить въ глазахъ Лизы и приближить къ цѣли.

Наконецъ срокъ отпуска моего приближился, и я долженъ былъ разстаться съ милою на нѣсколько лѣтъ,

а можетъ быть и на всегда. — Ахъ! эта разлука была для меня слишкомъ тягостна; я не думалъ пережить ее, а теперь переношу и смерть моего друга.

Въ день отъѣзда, при прощаніи съ Лизою, я не могъ говорить съ нею ни слова; боялся обнаружить чувства сердца, скрывалъ слезы, безпрестанно навертывавшіяся на глазахъ, и даже рѣдко глядѣлъ на нее. Она, казалось, принимала участіе въ моей горести, спрашивала о дорогѣ, и вздыхала. Это обнадеживало, что милая не ненавидитъ меня.

Я готовъ былъ упасть передъ нею на колѣни и открыть любовь; но робость приводила въ трепетъ, останавливала и заставляла молчать. — Наконецъ минута приближалась, въ которую я долженъ былъ въ послѣдній разъ сказать ей: прости! — Слеза выкатилась изъ глазъ моихъ при поцѣлуѣ ручки; взоры наши встрѣтились, и взаимной тяжелой вздохъ былъ послѣднимъ знакомъ разлуки . . .

Ни время, ни удаленіе отъ моего друга не

уменьшило горести; я воображалъ иногда, ей минетъ безъ меня шестнадцать лѣтъ; она почувствуетъ любовь и отдастъ сердце, можетъ быть, другому . . . и тогдажъ представлялъ себѣ, какъ любовь ослѣпляетъ человѣка; часто самыя Аспазіи плѣняютъ насъ до того, что мы не видимъ ихъ пороковъ, боготворимъ, съ нетерпѣніемъ стремимся къ концу цѣли, но едва достигаемъ ее.— Повязка спадываетъ съ глазъ, и мы нещастливы . . . Ахъ! кого я хотѣлъ приравнивать къ Ас-

пазiямъ? хотѣлъ позабыть Лизу, выдумывалъ пороки; но все сiе было тщетно! сердце не вѣрило — оно чувствовало ея невинность. Въ сихъ мысляхъ я предавался веселостямъ, стремился увидѣть красавицъ, о которыхъ мнѣ говорили, хотѣлъ даже заниматься ими; но всѣ усилiя были напрасны: — прелесть Лизы помрачала всѣхъ въ глазахъ моихъ. Наконецъ я не могъ видѣть веселостей; одно уединенiе было отрадою сердца; часто по цѣлымъ ночамъ я просиживалъ подлѣ водопада, леталъ мы-

сленно къ моему Ангелу, вспоминалъ щасшливыя минушы, проведенныя съ нею; эшо ушѣшало меня, и я предавался на нѣсколько времени покойному сну.

Такъ прошелъ цѣлой годъ: положенie мое мнѣ дѣлалось часъ ошъ часу шягосшнѣе. Наконецъ судьба сжалилась— меня послали на мою родину. Ахъ съ какимъ воссшоргомъ я шоропился взяшь подорожную, и лешѣшь къ обладашельницѣ сердца; минушная медленносшь меня шревожила, и казалась слишкомъ продолжишельною;

въ семь сутокъ, проведенныхъ мною въ дорогѣ, я едва спалъ десять часовъ; Ангелъ мой ни на минуту не выходилъ изъ мыслей: тѣ мѣста, которыя прежде не дѣлали ни малѣйшаго впечатлѣнія, тутъ казались мнѣ прелестными; я торопился вносить въ записную книжку все любопытное, чтобъ пересказать Лизѣ, и дать ей отчетъ во всей жизни, проведенной въ разлукѣ съ нею. — Воображеніе представляло мнѣ ее одаренною новыми прелестями, новыми совершенствами; я

съ сею надеждою приближился къ родинѣ; наконецъ увидѣлъ ее, — увидѣлъ и милой предметъ сердца. — Какое перо въ силахъ изобразить тогдашнія чувства мои? онѣ извѣстны однимъ чувствительнымъ, умѣющимъ любить, и знающимъ разлуку.

Надежда не обманула меня; она была гораздо совершеннѣе прежняго. Какъ пучекъ розы мало по малу развертываетъ свои прелести, такъ дарованія ея развертывались. — Все, что порознь мнѣ нравилось въ

иностранкахъ, я находилъ въ Лизѣ: умъ Француженки, съ его пріятностію; постоянство Агличанки; красота, ловкость нѣжной Италіанки, а чувствительность, невинность, стыдливость Россіянки. Кругъ льстивыхъ обожателей стремился искать ея благосклонности; она была вольна со всѣми, любила танцовать, рѣзвилась, но только для забавы, а не желая нравиться. Я отъ робости менѣе всѣхъ хвалилъ ее, но болѣе пользовался благосклонностію: она иногда сама

сыскивала меня въ шумныхъ обществахъ, любила говорить со мною, разсказывала случившіяся неудовольствія; я радовался моему благополучію; часто по цѣлой ночи бывалъ, какъ безумной, отъ восторга; но никогда не могъ рѣшиться открыть рану сердца.

Въ одинъ вечеръ, бродя въ задумчивости по саду, въ которомъ Лиза всегда любила прогуливаться, — считая слѣды ее, я приближился къ готической бесѣдкѣ, ни мало не

думая, чтобЪ щастливая минута жизни моей была такЪ близка. Розета * меня увѣдомила лаемЪ своимЪ, что хозяйка ее вЪ саду. — Я удвоилЪ шаги, и нашелЪ друга моего вЪ первой комнатѣ бесѣдки, читающую книгу... Что вы читаете, сударыня? не помѣшалЪ ли я вамЪ? ... Нимало: я читаю Геснеровы Идилліи; его Хлои, Полемоны, Дафнисы меня восхищаютЪ... онѣ прекрасны; вездѣ видна простота сЪ добродѣтелью.

* *Имя Лизиной собачки.*

Сочинитель мастеръ рисовать природу; я люблю природу, но въ простой одеждѣ, безъ примѣсу искусства; — сердца Геснеровыхъ пастуховъ не знали еще искусства; они не сердились за откровенность. — Развѣ можно за нее сердиться? — Мнѣ кажется, кто откровененъ со мною, тотъ меня любитъ. — Едва она окончила сіи слова, я былъ уже на колѣняхъ. Будьте же столько милостивы, сколько справедливы, не сердитесь за откровенность на того, кто два года обожая васъ, до сихъ поръ молчалъ; одно слово долж-

но опредѣлить судьбу мою — быть щастливымъ, или вѣчно страдать. — Потупивши взоры, милая Лиза съ стыдливымъ румянцомъ сказала: все зависитъ отъ воли маминьки. — Ахъ! другъ мой, при сихъ словахъ цѣлебный бальзамъ разлился по моему сердцу; я цѣловалъ ея колѣни, и слезы радости катились изъ глазъ; — она скрылась отъ меня, но я все еще воображалъ, что стою предъ благодѣтельнымъ божествомъ, опредѣляющимъ судьбы смертныхъ.

Теперь, къ довершенію моего благополучія, нужно

было только согласіе ея родителей; но я намѣренъ былъ нѣсколько собрать мысли, чтобъ открыть имъ мое желаніе. Ночь была проведена безъ сна, въ пріятныхъ мечтаніяхъ, въ сочиненіи плановъ будущей жизни, въ ожиданіи радостей и благополучія... На другой день я пріѣзжаю къ нимъ; милая К... встрѣчаетъ меня прежде всѣхъ, смѣется и спрашиваетъ, покойно ли я проводилъ ночь. Такой вопросъ привелъ меня въ замѣшательство; я не зналъ, что отвѣчать. — Съ вами что нибудь слу-

чилось, вы не можете говорить? — Сжальтесь надо мною, сударыня; вы уже все знаете. — Я ничего не знаю, а видѣла, что вы были вчера довольно щастливы. — Вы видѣли? съ изумленіемъ спросилъ я ее. — Да, я видѣла вашу откровенность; не удивляйтесь этому, мы были съ вами въ одной бесѣдкѣ. Когда вы восхищались Геснеромъ, одна перегородка насъ разгораживала; вы такъ занялись имъ, что позабыли и обыкновенную вашу учтивость, спросить обо мнѣ. — Собравши всѣ силы, я едва могъ выговорить

рить: извините, сударыня. — Я на васъ очень разсердилась, и въ отмщеніе разсказала всѣмъ ваше желаніе. — Вы слишкомъ милостиво льстите; но могу ли надѣяться? съ тяжелымъ вздохомъ спросилъ я ее. — Отъ чегожъ вы вздыхаете? не все страдать; надобно когда нибудь имѣть и отраду. Пойдемъ-те. — При сихъ словахъ она взяла меня за руку и ввела въ компанию къ С. . . Вотъ человѣкъ, которой васъ спрашиваетъ, можетъ ли онъ надѣяться? — Я стоялъ въ изумленіи, какъ

плѣнный, готовый къ смертному приговору, и прерывающимся голосомъ едва могъ произнести: отъ васъ зависитъ судьба моя. — Вы требуете отъ меня рѣшенія судьбы вашей, сказала С . . . Лиза вольна располагать собою; я съ младенчества привыкла узнавать чувства ея сердца, и потому не буду спрашивать, согласна ли она; но скажу только, что зная такъ долго другъ друга, вы имѣли довольно времени узнать ваши характеры, и естьли будете нещастливы, ошибка непроститель-

на; два года не льзя носить личину, и каждой можетъ замѣтить пороки; вы оба должны теперь согласить ихъ и разсмотрѣть, не могутъ ли разорвать вашей дружбы. — Мы бросились на колѣни передъ нашей благодѣтельницей, цѣловали ея руки и увѣряли, что мы очень хорошо знаемъ другъ друга, и любовь наша никогда не простынетъ. — Встаньте, любезныя дѣти! я знаю, что этотъ пламень потухнетъ вмѣстѣ съ вашею молодостію; но дай Богъ, чтобъ дружба заступила его мѣсто.

И такъ, другъ мой, къ довершенію моего благополучія ничего уже не недоставало. Я обожалъ Лизу; видѣлъ, что она меня любила; родные наши были согласны соединить насъ, и мнѣ оставалось только выйти изъ службы, чтобъ привести въ порядокъ маленькое мое состояніе, и жить спокойно въ объятіяхъ милыхъ.

Разлука не была для меня такъ тягостна, какъ прежде; я былъ увѣренъ въ постоянствѣ Лизы; надѣялся скоро возвратиться

и могъ имѣть переписку съ нею . . . Въ залогъ нашей клятвы, она позволила мнѣ списать портретъ свой, сплела къ нему снурочки; я положилъ на сердцѣ и поѣхалъ. —

Дорогой мнѣ нетерпѣливо хотѣлось получить отъ нее письмо, чтобъ узнать объ ея здоровьѣ, а притомъ, любя всегда Русской языкъ, я любопытствовалъ, сильналь въ немъ Лиза; зная, что многіе ему не учатся, а особливо дѣвушки, и часто въ маленькихъ запискахъ едва

найдешь смыслЪ нужной, для понятія мыслей. Наконецъ въ О . . . мое желаніе исполнилось, — я получилЪ письмо, писанное совершенно по Руски, безЪ примѣси ФранцузскихЪ выраженій; чистой слогЪ, прекрасные обороты, сЪ яснымЪ изображеніемЪ мыслей его украшали; нѣжная чувствительность сердца видна была и вЪ перѣ моего друга. Я сЪ восторгомЪ перечитывалЪ сіи строки, и ими утѣшался до самаго прибытія кЪ полку.

НѣкоторыЯ препятствія заставили меня ждать

долѣе отставки, нежели я думалъ: мнѣ было досадно жить безъ дѣла, притомъ же въ пустомъ мѣстѣчкѣ и осенью. — Можетъ ли наслаждаться сердце любовника природой тогда, когда она умираетъ? Ему надобны картины пламенныхъ восторговъ, а не томной, печальной вой вѣтровъ. — Я занимался моимъ дневнымъ журналомъ, которой былъ наполненъ не происшествіями, а одними только мыслями. Въ такомъ скучномъ положеніи протекли цѣлые два мѣсяца; наконецъ я получилъ

отставку, простился съ службой, и полетѣлъ въ объятія друзей.

Какое перо — чьи слова будутъ въ силахъ изобразить наше свиданіе съ Лизой! — Свободны будучи уже отъ подозрѣній свѣта, лишающихъ любовниковъ удовольствія, открывать взаимныя чувства и переливать изъ одного сердца въ другое пламень любви, мы утѣшались своимъ состояніемъ и съ спокойнымъ терпѣніемъ ожидали дня, назначеннаго для нашей свадьбы. — Онъ пришелъ;

мы поклялись предъ олтаремъ, любить другъ друга вѣчно, и сохранили нашу клятву до самой смерти.

Первые дни, другъ мой, протекли, по обыкновенію, въ пустыхъ забавахъ, отнимающихъ удовольствіе, наслаждаться дружбой. — Мы оба не любили шумныхъ городскихъ забавъ: маленькой кругъ родныхъ и друзей былъ для насъ гораздо пріятнѣе. Я съ нетерпѣніемъ дожидался весны, чтобъ имѣть удовольствіе, посреди пріятнаго уединенія деревенской жизни, вку-

шать утѣхи взаимной дружбы, и любви. Лизѣ мое желаніе было не противно. И такъ лишь просохло, мы поѣхали въ эту деревню... Пріятное мѣстоположеніе, ежедневно новыя картины обновляющейся природы, веселили моего друга. Лиза съ самаго младенчества не бывала въ деревнѣ: ей все казалось ново; она безпрестанно бродила по окрестностямъ; всѣмъ восхищалась, брала ландыши, плела вѣночки и уподобилась совершенно Геснеровой пастушкѣ.

При сихъ словахъ слезы навернулись на глазахъ милаго Любима. — Напоминаніе этихъ минутъ для меня тягостно; я безъ слезъ не могу объ нихъ вспомнить, сказалъ онъ мнѣ: ничто такъ не усиливаетъ дуужбы, какъ доброта характера. Къ нещастію, у насъ не многіе стараются узнать его . . . Любовникъ въ первую минуту своего пламени не смотритъ на сердце; ему нравится одна наружность; много уже и того терпѣнія, есть ли онъ узнаетъ состояніе, а потомъ предлагаетъ

руку.— Можноль надѣяться, чтобъ сіи супруги, не будучи еще почти между собою знакомы, могли быть щастливы: наружной пламень горитъ не долго; жаръ потухаетъ, пороки обнаруживаются; они дѣлаются другъ другу въ тягость, и разводъ есть почти обыкновенное послѣдствіе такихъ браковъ. Ахъ! другъ мой, напротивъ сердце моей Лизы мнѣ было извѣстно — не льзя было не любить этого Ангела: добродѣтель въ полной красотѣ блистала въ ней; воспитаніе научило ее, пользовать-

ся одними невинными забавами, и она до самаго гроба находила въ нихъ удовольствіе.

Здѣсь не было дома; мы жили въ саду въ бесѣдкѣ; громкія пѣсни соловья пробуждали насъ вмѣстѣ съ зарею; я ходилъ смотрѣть работы. Лиза сама работала въ саду, усыпала бесѣдку цвѣтами, и въ восемь часовъ мы сходились завтракать, сказывали другъ другу, гдѣ были, что дѣлали, сообщали новыя мысли, располагали, какъ строить домъ, какъ поправить садъ и не

видѣли окончанія утра. — Въ жаръ, сидя подлѣ моего друга, я чертилъ планъ этому дому; она, играя на гитарѣ, пѣла и облегчала мою работу; а къ вечеру ходили вмѣстѣ по деревнѣ смотрѣть, какъ пріѣзжаютъ съ работы поселяне, какъ пригоняется стадо; заходили къ нимъ въ домы, любовались простотою нравовъ, и съ новыми идеями, съ новыми мыслями возвращались домой. Веселой характеръ Лизы разгонялъ мою меланхолическую задумчивость, и мы жили, какъ въ щастливой Аркадіи.

Бесѣдка худо защищала насъ отъ жару; мы выдумали, въ горѣ подлѣ берегу рѣки, сдѣлать гротъ, или по Руски сказать землянку; работа была въ два дни окончена, стѣны обтянули холстомъ, выбѣлили; но Лизѣ хотѣлось, чтобъ наше новое жилище было великолѣпнѣе: она сама убирала его гирляндами, расписывала стѣны; Музы, Граціи оживлялись подъ кистію моего друга; мнѣ было завидно, что Лиза работаетъ одна: я затѣялъ сдѣлать диванъ, самъ точилъ къ нему стол-

бики, обкладывалъ рѣзьбой, сдѣлалъ фонтанъ, и наконецъ черезъ двѣ недѣли мы увидѣли наше желаніе исполненнымъ; дали праздникъ; всѣ хвалили выдумку и работниковъ, — а мы гордились другъ другомъ. Естьли ты любопытенъ видѣть этотъ храмъ дружбы (такъ называла его Лиза), Софія уже тебѣ въ вечеру при прогулкѣ его покажетъ; она въ немъ хозяйка и обязана наблюдать тотъ самой порядокъ и чистоту, которую сохраняла ее виновница жизни.

Такъ въ полномъ удовольствіи, въ ежеминутныхъ веселостяхъ мы проводили лѣто; домъ этотъ приходилъ къ концу; родные обѣщались въ осень къ намъ съѣхаться и праздновать вмѣстѣ новосѣлье; Лиза уже носила плодъ любви нашей, милую Софію; (какая надежда можетъ быть утѣшительнѣе для родителей, какъ ожидать награды отъ дѣтей за свои труды!). Мы уже льстились ею, располагали планъ воспитанія, читали вмѣстѣ Локка, Руссо и проч. Лиза сама хотѣла кормить ма-

лютку; я радовался ея намѣренію, будучи увѣренъ, что дѣти съ молокомъ всасываютъ характеръ кормилицы, и мало бываютъ привязаны къ матерямъ. Уже пріятное имя отца и матери отзывалось у насъ въ сердцахъ. Часто по цѣлымъ ночамъ мы просиживали у камина, разговаривая о воспитаніи, и разсматривая человѣка. — Онъ выходитъ изъ рукъ премудраго Творца совершеннымъ; отъ чего жъ теряетъ свое совершенство, какъ не отъ воспитанія? — Пороки, дурные навыки вко-

реняются въ ребенкѣ отъ окружающихъ его; ихъ не примѣчаютъ: они растутъ и усиливаются вмѣстѣ съ лѣтами; а испорченной характеръ едва ли можно исправить. Нравственность человѣка такъ скоро портится отъ худыхъ примѣровъ, какъ вода отъ нечистоты; удали ихъ отъ него, покажи пріятность полезныхъ занятій, чтобъ онъ не терпѣлъ скуки, открой красоты, награды добродѣтели, наконецъ направь къ ней путь его, и онъ вѣрно будетъ щастливъ. — Родители виновны

въ тѣхъ порокахъ дѣтей, которые онѣ дѣлаютъ до лѣтъ здраваго разсудка. Такъ думали мы съ Лизой, и готовились оправдать наши мысли.

Оконча сіи слова, милой Любимъ спросилъ меня: не время ли намъ итти прогуливаться? Я охотно согласился: видно было, что воспоминаніе прошедшихъ пріятностей разтравило раны этого рѣдкаго чувствительнаго человѣка, и ему надобно было успокоить чувства. Мы пошли въ садъ.— Здѣсь все по-

казывало, что рука знающаго и трудолюбиваго хозяина обрабатывала; предметы, разбросанные въ пріятномъ разнообразіи, утѣшали взоры, и раждали на каждомъ шагу новыя мысли. Садъ идетъ подъ гору къ рѣкѣ; во многихъ мѣстахъ подѣланы колодези съ бассеинами, изъ коихъ по жолобамъ вода течетъ въ разныя мѣста и сама поливаетъ цвѣты и деревья. — Кто при семъ зрѣлищѣ не вспомнитъ благотворнаго Нила, орошающаго древней Египетъ. Пройдя нѣсколько

шаговъ въ право по узинькимъ тропинкамъ Аглинскаго сада, мы услышали глухой шумъ, которой при приближенiи нашемъ умножался; наконецъ увидѣли сверху крутой каменистой горы падающiй водопадъ, въ низу пропасть встрѣчала ярость волнъ его; онъ съ страшнымъ ревомъ, вырываясь изъ нее, гордо пѣнился между двухъ нависшихъ кремнистыхъ утесовъ и впадалъ въ величественной Днѣпръ: по скользской тропинкѣ мы спустились въ низъ на подъемной, узинькой мос-

тикъ, брошенной черезъ водопадъ. — Тутъ воображеніе перенесло меня къ храбрымъ Россамъ, презирающимъ опасность Сентъ-Готардской пропасти; я почувствовалъ ужасъ, и сообщилъ мысли мои хозяину. Вы видите, что здѣсь природа соединена съ искуствомъ, сказалъ онъ мнѣ: это планъ Лизы; онъ уже исполненъ послѣ ея смерти. — Другъ мой любилъ величественныя картины природы; но не успѣлъ наслаждаться ими. Мы пошли далѣе по берегу Днѣпра. Глазамъ нашимъ

представилась прекрасная липовая рощица, ростущая по горѣ; Софія побѣжала къ ней прежде насъ; — здѣсь вы найдете тотъ гротъ, о которомъ я вамъ говорилъ, сказалъ Любимъ: хозяйка его насъ хочетъ встрѣтить. Подошедши къ горѣ, я увидѣлъ двери, надъ коими была надпись золотыми словами: *Храмъ щастливой дружбы*, а подъ нею на бѣлой доскѣ черными:

Не долго щастье обитало,
Ужъ время горести настало.

Прекрасная Софія просила насъ войти въ

гротъ. — При входѣ первое представилось глазамъ моимъ: мраморный монументъ, стоящій противъ самыхъ дверей, которой изображалъ Грацію на Кориноскомъ піэдесталѣ, держащую въ правой рукѣ урну; она изъ нее поливала розу, растущую у ногъ ея. Махъ смертной косы подсѣкъ цвѣтокъ, и онъ упалъ съ піэдесталя; а лѣвой показывала бѣлольняной шиньенъ волосъ съ надписью: *остатки праха Лизы.* Почтенной Любимъ съ тяжелымъ вздохомъ поцѣловалъ волосы, и держа ихъ въ

рукѣ, сказалъ мнѣ: вотъ наставникъ Софіи; она должна глядѣть на него, какъ на Эмблемму добродѣтели и слѣдовать примѣрамъ виновницы жизни своей. — Вы здѣсь видите всѣ любимыя вещи Лизы: вотъ клависинъ, на которомъ съ девяти лѣтъ она играла, (онъ стоялъ по правую сторону: на немъ лежало множество нотъ и гитара, а на лѣвой здѣланъ диванъ, подлѣ котораго стоитъ маленькой столикъ съ сафьянной корзинкой для рукодѣлья и два персиковыя дерева въ горш-

кахЪ). Софія, подошедши ко мнѣ, сказала: сіи деревья сажала маминька; я сЪ нетерпѣніемЪ жду плодовЪ ихЪ. — Слезы навернулись на глазахЪ милой дитяти. Я цѣлуя увѣрялЪ ее, что вмѣстѣ сЪ сими плодами созрѣютЪ вЪ ней маминькины достоинства, — и обратясь кЪ Любиму, говорилЪ ему: Лиза оставила вамЪ, чѣмЪ утѣшаться; уменьшите вашу горесть; прекрасной вечерЪ бываетЪ пріятнѣе послѣ бури. Правда, другЪ мой, но нещастной, однажды обманутой надеждой, не смѣ-

етъ льстить себя благополучіемъ. — Наконецъ мы вышли изъ Софьина грота; солнце уже скатилось съ горизонта, и румяная заря багровѣлась на голубомъ эфирѣ. — Какое прекрасное зрѣлище! сказалъ мнѣ Любимъ: сядемъ подъ тѣмъ дубомъ, гдѣ мы часто съ Лизой наслаждались пріятностію вечера и дерзали погружаться въ метафизическія глубины; теперь ослабѣвшій разумъ мой не въ силахъ заниматься непостижимостію; я буду продолжать исторію моей жизни.

Осень мы здѣсь проводили вмѣстѣ съ родными въ пріятныхъ забавахъ безъ городской пышности; погода стояла прекрасная: не взирая на морозы, мы всякое утро гуляли по саду, рѣзвились, играли въ горѣлки и проч. Лиза мнѣ никогда не казалась такъ прекрасною. — Каштановой капотъ и бѣлая шляпка были почти ежедневнымъ ея украшеніемъ; холодъ придавалъ пріятную свѣжесть въ лицѣ, и розы безпрестанно цвѣли на лилейныхъ щечкахъ моего Ангела. Она занималась съ утра

до ночи своими гостями; старалась всѣмъ сдѣлать удовольствіе, всѣхъ успокоить, и мы цѣлой мѣсяцъ прожили очень весело до самаго отъѣзда нашихъ родныхъ. — Милая К... любя чрезмѣрно Лизу и видя ее тягость, согласилась у насъ остаться до зимы и ѣхать вмѣстѣ въ... Въ это уже время мы совершенно жили одни: дурная погода и грязь не позволяли намъ ни съ кѣмъ видѣться; но не взирая на такое уединеніе, длинные осенніе вечера казались намъ часто коротkими, и мы иногда съ

неудовольствіемъ разходились — дружба ежеминутно находитъ новыя занятія, и никакимъ продолжительнымъ свиданіемъ не насыщается. Зима установилась; мы простились съ деревней; Лиза, какъ будто предчувствовала, что она уже не возвратится, съ слезами осмотрѣла всѣ любимые предметы, и грустила во всю дорогу. — Я приписывалъ сіе припадкамъ ея тягости; наконецъ, по пріѣздѣ въ городъ, гдѣ она воспитывалась, кругъ родныхъ, ласки старыхъ пріятельницъ разсѣяли ея пе-

чаль, и веселой характеръ друга моего по прежнему утѣшалъ меня. Я нетерпѣливо дожидался минуты родинъ ея; страхъ и удовольствіе попеременно занимали мои мысли: скоро Софія совершенно успокоила меня. — Лиза начинала оправляться, занималась безпрестанно милой малюткой; сама кормила, ни на минуту не отходила прочь отъ нея, учила улыбаться, протягивать ручонки и проч. Не льзя было безъ восторга смотрѣть на такую картину. — Я не зналъ еще, чего желать

и не видалъ конца моему благополучію.

Въ одинъ вечеръ Лиза почувствовала сильную головную боль; меня не было дома; я пріѣзжаю и нахожу, что она отмѣнно скоро ходитъ по комнатѣ, и необыкновенной румянецъ играетъ въ лицѣ. "Что ты чувствуешь, милая? спросилъ я ее. — У меня немножко болитъ голова, думаю отъ того, что я много писала. — Для чего жъ ты не пошлешь за Докторомъ? — Это пройдетъ само собою; я не хочу лѣчиться, теперь же

уже и поздно. — Ночью ей сдѣлался сильной жаръ, безпамятство и бредъ; я чрезвычайно испугался, послалъ за Докторомъ, которой мнѣ былъ хорошій пріятель; онъ пріѣзжаетъ и находитъ, что у нее горячка. — Какая жестокая новость для моего сердца! я со слезами просилъ Доктора, заняться болѣзнію моего друга. Онъ увѣрялъ, что нѣтъ опасности; старался меня успокоить; но я не хотѣлъ вѣрить словамъ его, и былъ въ чрезвычайной горести; состояніе мое растрогало чувстви-

тельнаго В *. Онъ согласился жить у меня до выздоровленія Лизы; я благодарилъ его за дружбу, но положеніе мое все было для меня слишкомъ тягостно: какое чувствительное сердце не придетъ въ отчаяніе видя друга, — милую въ безпамятствѣ при дверяхъ гроба, бѣдную Софію, лишенную присмотра и пропитанія! она, привыкнувъ къ матери, не знала ни кого, не шла ни къ кому на руки и безпрестанно плакала; другъ мой успѣлъ пріучить ее любить только меня. — Я одинъ

* *Имя Доктора.*

могъ успокоить малютку. — Она ко мнѣ протягивала рученки, и казалось, спрашивала, гдѣ маминька. — Ахъ, другъ мой! безмолвная нѣжность сего ребенка еще болѣе тревожила духъ мой; чѣмъ могъ я утѣшить сію непорочность, когда я плакалъ вмѣстѣ съ нею! — Мнѣ совѣтовали дать ей кормилицу, но я никакъ не соглашался; не хотѣлъ перемѣнить планъ воспитанія, которой сдѣлала Лиза: парное коровье молоко было ея пищею. Наконецъ милая К . . . жалѣя меня, требовала, чтобъ я ей

ввѣрилъ присмотръ Софіи; я охотно согласился, зная ея дружбу къ Лизѣ, и былъ съ сей стороны спокойнѣе.

Теперь, имѣя болѣе свободы заниматься Лизою, я ни на минуту не отходилъ отъ постели, замѣчалъ малѣйшія перемѣны болѣзни, пересказывалъ ихъ Доктору и требовалъ заключеній. — Наконецъ въ осьмой день другъ мой опомнился, и спросилъ Софію. — Робенокъ при первомъ взглядѣ узналъ виновницу своей жизни, улыбался и просился къ ней на руки. — Лиза,

лишенная силЪ, исполнить желанie малютки, печально глядѣла на нее; огонь погасЪ вЪ глазахЪ сего Ангела, и слезы текли по блѣднымЪ ланитамЪ. Она велѣла положить ее кЪ себѣ на постелю, цѣловала, прижимала ее кЪ сердцу и говорила: будь утѣхою Любиму. ПотомЪ оборотясь кЪ милой К . . . просила ее, чтобЪ она была другомЪ Софiи и пеклася о образовании ея сердца: вы найдете вЪ моемЪ столикѣ нѣсколько писемЪ о воспитанiи; я ихЪ готовила читать Софiи вЪ первомЪ

возрастѣ: исполните мое намѣреніе, а остальное довершитъ Творецъ — и Любимъ. — Да будетъ одна добродѣтель ея украшеніемъ; поцѣловавъ еще разъ, она сказала: возмите милую малютку; будетъ еще время вкушать и ей горести — скоро я уже не буду принадлежать ей... Окончa сіи слова, она взглянула на небо, и казалось, просила укрѣпить духъ ея; потомъ взяла у меня руку, положила ее на сердце и съ твердостію сказала: посмотри, какъ оно тебя любитъ, и проситъ име-

немъ дружбы, подкрѣпить свое здоровье и не сокращать жизни. — Я оставлю тебѣ драгоцѣнной залогъ, милую Софію, которой благополучіе зависитъ отъ тебя; ты жить для нее обязанъ: не забудь прозьбы твоего друга. — Едва она перестала говорить, какъ смертная блѣдность начинала покрывать лице ея, и послѣдній жизненный румянецъ померкалъ на нѣжныхъ щекахъ; она еще разъ взглянула на меня... вздохнула — сказала: прощай, милой, до радостнаго утра! и испустила духъ.

Ахъ! другъ мой, кто будетъ въ силахъ изобразить печаль мою? — въ первомъ изступленіи я бросился на охладѣвшее тѣло: цѣловалъ его; хотѣлъ плакать, но слезъ не было. — Теченіе крови остановилось и сильный обморокъ лишилъ меня чувствъ. — Опомнившись чрезъ нѣсколько часовъ, я увидѣлъ себя удаленнаго отъ Лизы. Друзья, милые сердцу, старались успокоить меня; но я не понималъ ихъ словъ, и требовалъ только, видѣть мнѣ драгоцѣнное тѣло. — Досадовалъ, роптaлъ на

свое состояніе; о Боже! дерзалъ даже роптать на твое правосудіе. — Не ужель душа этого Ангела могла разрушить порядокъ въ мірѣ? думалъ я. — Варваръ, злодѣй блаженствуютъ, а добродѣтель лишается послѣднихъ отрадъ. Въ такомъ безумствѣ и отчаяніи я рѣшился лишить себя жизни; уже орудіе нанесено было исполнить дерзость мою; но образъ нѣжной супруги, — вѣрнаго друга, ея послѣднія слова, — милая Софія мнѣ представилась: я затрепеталъ, слезы поли-

лись изъ глазъ моихъ, и цѣлебный бальзамъ разлился по сердцу. Умоляя окружающихъ меня, дать мнѣ видѣть еще разъ Лизу, клялся имъ быть равнодушнымъ, и наконецъ принудилъ исполнить мое желаніе . . . Эмблемма смерти, долженствующая на вѣки скрыть тлѣнные останки моего друга, представилась глазамъ моимъ; я съ трепетомъ приближился къ ней: прелести и кротость этого Ангела видны были и въ охладѣвшемъ тѣлѣ. Упавши на колѣни передъ драгоцѣннымъ прахомъ, я

просилЪ прощенія у Лизы вЪ зломЪ намѣреніи, на которое рѣшился было покуситься и подтвердилЪ мою клятву. — Долго, разсматривая всѣ черты, которыя обожалЪ три года, я искалЪ сберечь что нибудь отЪ земной утробы; бѣлольняные волосы попались глазамЪ моимЪ; — хладная могила не будетЪ восхищаться ими, думалЪ я; она не красоты, а безобразія ищетЪ; лучше этотЪ остатокЪ будетЪ напоминать Софіи добродѣтель ея матери. — ВзявЪ ножницы, я отрѣзалЪ тотЪ

шиньенЪ, которой ты видѣлЪ вЪ рукѣ Граціи; облилЪ слезами друга моего, и навѣки простился!

Вмѣстѣ сЪ Лизою я простился и со всѣми удовольствіями; ни что не могло утѣшить меня.— Врожденная меланхолія, смѣшавшись сЪ горестію, родила угрюмость, и размышленіе о потерѣ друга было единственнымЪ моимЪ упражненіемЪ. Софія еще болѣе умножала печаль мою. Мысль, кто будетЪ пещись о воспитаніи этой малютки, меня

чрезвычайно безпокоила. Ей надобны пріятныя нравственныя утѣшенія, чтобъ нѣжная улыбка развивала ея чувства, и вкореняла добродѣтель, а я кромѣ суровой горести ничего не могу доставить милой дитяти. Городское знакомство, думалъ я, лишаетъ меня много времени; въ деревнѣ не имѣя никакихъ занятій, я буду дѣятельнѣе и привыкну къ упражненіямъ, которыя уменшатъ печаль и сдѣлаютъ меня полезнѣе Софіи; притомъ желая, чтобъ природа была учительницей моей дочери, я

рѣшился, спустя мѣсяцъ, послѣ смерти Лизы, уѣхать въ деревню.

К... не хотѣла оставить новой своей воспитанницы: любя Лизу, она была привязана къ Софіи и рѣшилась ѣхать со мною; ея намѣреніе было для меня очень пріятно. Я зналъ, что никто не выполнитъ такъ желаніе Лизы, въ разсужденіи воспитанія Софіи, какъ она; притомъ же рѣдкой характеръ сей женщины увѣрялъ меня, что сердце дочери моей испорчено не будетъ, и я не хотѣлъ

входить въ ея воспитаніе до четырехъ лѣтъ; попросилъ только не отступать отъ правилъ покойнаго нашего друга. — Мы жили въ деревнѣ очень уединенно; никакое общество не занимало меня; увидя людей, я щиталъ себя всѣхъ нещастнѣе, завидовалъ другимъ, и умножалъ мою горесть. Исполненіе плановъ, которые мы дѣлали вмѣстѣ съ Лизой, было единственною моею забавою: лѣтомъ я не выходилъ изъ саду, а зимой занимался внутренной уборкой дома. Все, что вы здѣсь

видите сдѣлано послѣ ея смерти.

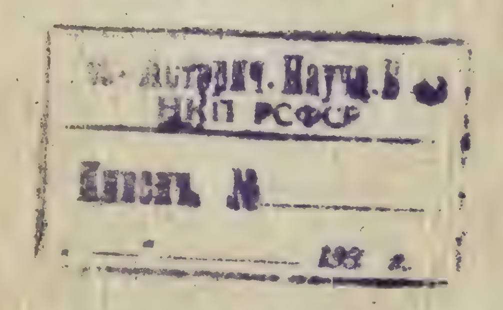
Теперь я занимаюсь ученіемъ Софіи; зная, что никто безъ любви не можетъ имѣть довольно терпѣнія для ученія робенка, не хочу, чтобъ она имѣла другихъ учителей. — Вы найдете много способныхъ, усовершенствовать знанія молодыхъ людей, начавшихъ понимать пользу наукъ, но пріохотить къ нимъ надобно, чтобъ сердце было привязано къ робенку. Для меня тѣмъ пріятнѣе заниматься ученіемъ Со-

фіи, что я вижу въ ней совершенное сходство съ матерью. — Вы не знали моего друга, и не можете судить, сходенъ ли ея характеръ; но посмотрите на портретъ Лизы, которой она мнѣ подарила, въ пятнадцать лѣтъ, (при сихъ словахъ Любимъ вынулъ портретъ, лежавшій у него на сердцѣ и подалъ мнѣ) видите ль сходство? спросилъ онъ меня — естьлибъ Софія была въ такіяжъ лѣта, то едвали бъ можно было повѣрить, чтобъ онъ не былъ списанъ съ нее; я не видалъ ничего сход-

нѣе. — Дай Богъ, чтобъ она была также похожа и сердцемъ. (Милой робенокъ пристально глядѣлъ на портретъ матери, и гордился своимъ сходствомъ). Въ девять лѣтъ, продолжалъ Любимъ она начнетъ учиться музыкѣ; тогда будетъ для нее новой учитель; а въ тринадцать она должна начать чувствовать свои склонности и усовершенствовать знанія по своимъ способностямъ. — Вотъ планъ воспитанія, которой я сдѣлалъ для моей дочери; образованіе сердца ея есть главнымъ моимъ предме-

томъ. Естьли мое желаніе исполнится и я буду видѣть въ Софіи образецъ Лизы, — тогда покойно дождусь вечера жизни и съ улыбкою полечу въ объятія моего друга!

Конецъ.

Чуденъ въ свѣти Человѣкъ

Сущій цѣлой вѣкъ

Столько ни воображать

Что судьба имъ

Управляетъ

